

На правах рукописи

Иванилов Василий Михайлович

**АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА
КАК ОСНОВА ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ**

10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Гридина Татьяна Александровна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Рут Мария Эдуардовна

кандидат филологических наук,
доцент
Снигирев Алексей Васильевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Защита состоится 22 сентября в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «22» августа 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.А.Пирогов

Общая характеристика работы

В современной антропологической парадигме научных исследований активно разрабатываются когнитивное, психолингвистическое и этнолингвистическое направления анализа языковых феноменов.

В рамках когнитивной лингвистики языковой знак рассматривается как отражение ментальности и познавательной деятельности человека (В.З.Демьянков, Е.С.Кубрякова, Ю.Г.Панкрац, З.А.Харитончик, А.П.Чудинов и др.).

В рамках психолингвистического направления исследуются ассоциативно-вербальный, тезаурусный и прагматический компоненты структуры языковой личности (Ю.Н.Караулов), стереотипы обыденного языкового сознания (О.А.Корнилов, Ю.Е.Прохоров, И.А.Стернин, Н.И.Сукаленко и др.), специфика освоения значения слова применительно к разным сферам речевой деятельности (В.П.Белянин, Т.А.Гридина, А.Н.Леонтьев, А.А.Леонтьев, В.Ф.Петренко, Л.В.Сахарный, К.Ф.Седов и др.).

В рамках этнолингвистики слово рассматривается непосредственно как источник информации, связанной с особенностями материальной и духовной культуры народа: быта, верований, обрядов, предметной символики и т.п. (С.М.Толстая, Н.И.Толстой и др.). В семантике слова при этом выявляются смыслы, значимые для его функционирования в определенной лингвокультуре: национальный компонент лексического фона слов и фразеологизмов (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, В.Н.Телия); символические смыслы языковых знаков, в том числе, слов-зоонимов (Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных, А.В.Гура); в качестве инструмента анализа используются разные процедуры моделирования лингвокультурных концептов (Л.Г.Бабенко, В.И.Карасик, В.А.Маслова, Ю.С.Степанов и др.).

В совокупности названные направления позволяют осуществить **комплексное** описание значения языкового знака с учетом его лингвокультурной составляющей. В этом плане особый интерес представляет изучение культурных текстов (в рамках широкого семиотического подхода: Ю.М.Лотман, Н.И.Толстой и др.), в которых отражаются стереотипы национального сознания. Одним из таких культурных текстов выступает **снотолкование** как древнейший жанр народной «гадательной» традиции.

Все сказанное определяет **актуальность** обращения к снотолкованию как источнику информации, позволяющему судить о психологической реальности значений и смыслов вербальных знаков, которую они обретают в сознании конкретных носителей языка, а также необходимость описания ассоциативных механизмов, поддерживающих суггестивную функцию жанра.

Объект данного диссертационного исследования – снотолкование как культурный текст и ассоциативный потенциал слова (АПС) как основа его символической интерпретации в данном жанре.

Предмет исследования – комплексное описание актуализированных компонентов ассоциативного потенциала зоонимов в снотолкованиях, представленных в письменной традиции интерпретации сновиденческих символов.

Выбор данной группы «знаков сна» обусловлен, во-первых, широким спектром ассоциативных смыслов, присущих зоонимическим номинациям в народной культуре: наличием у них оценочных коннотаций, переносных значений и символических смыслов. В частности отмечается, что животные – один из самых распространенных объектов мифологизации и символизации в «народной зоологии» (А.В.Гура); во-вторых, именно зоонимические символы ввиду включенности с «древних времен» животного мира в жизнь человека оказываются актуальными для выражения сновиденческих прогнозов, связанных как с человеком, так и с самыми разными явлениями и предметами окружающего мира [СМ].

Методологической базой исследования являются постулаты об ассоциативности как фундаментальной особенности мышления человека (Ш.Балли, Дж.Диз и др.), об ассоциативной природе языковых единиц (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, О.И.Глазунова, Ю.Н.Караулов, А.А.Леонтьев, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, И.А.Стернин, В.Н.Телия, Д.Н.Шмелев и др.); разработка прагматико-операциональной концепции АПС (Т.А.Гридина).

Значимыми для интерпретации снотолкований в ассоциативном ключе являются также положения теорий психоанализа (З.Фрейда) и коллективного бессознательного (К.Г.Юнга) о том, что интерпретация сновидений осуществляется по закону «ассоциации»; «знаки сна» имеют символическую природу; толкование сновидений подготовлено эмоциональным и психосоциальным опытом индивида, отраженным на уровне ассоциативных связей (этот опыт может быть представлен как индивидуальными, так и архетипическими ассоциациями).

Теоретическая значимость диссертации обусловлена рассмотрением снотолкования в категориях теории ассоциативного поля, что позволяет верифицировать понятие АПС применительно к культурным текстам, отражающим стереотипы обыденного сознания. Описание принципов интерпретации снотолкований может способствовать углублению представлений о лингвокультурном компоненте семантической структуры и символическом употреблении вербального знака.

Новизна данной работы заключается в том, что к научному описанию АПС привлекается новый материал – снотолкования; при этом исследуется письменная традиция толкований сновидений; предложена комплексная лингвокультурологическая модель анализа ассоциативной природы сновиденческого символа с учетом когнитивных, психолингвистических, этнокультурных и собственно лингвистических параметров его интерпретации. Представлено описание денотативного пространства зоонимических символов как фрагмента языковой картины мира, отраженной в соннике как культурном тексте.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет реконструировать один из фрагментов наивной картины мира, репрезентирующих духовную культуру русского народа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении культурологического комментария в словарях лингвострановедческого типа; в спецкурсах, ориентированных на изучение языковой картины мира сквозь призму культурных текстов.

В качестве **источников материала** для анализа были использованы сонники, изданные в период со второй половины XIX в. по XXI вв., в которых снотолкование представлено в виде традиционной для жанра двухчастной структуры.

Из данных источников методом сплошной выборки были извлечены толкования зоонимических символов (всего 246 символов и более 1000 их интерпретаций). К анализу привлекались также более ранние по времени издания (сохранившиеся сонники XVIII – начала XIX вв.), в которых представлен тематический принцип организации материала, когда ряд значений приписывается сразу нескольким номинациям объектов одной денотативной сферы (например, зоонимические символы *звери всякие, скоты, как домовые, так и другие, кроме лошадей, также и птицы всякие* «прогнозируют» *скорбь, смерть приятельствующего, ведомость, богатство, болезнь, претруждение мысли, тесноту, новые известия о невестах, прибыль*).

Цель работы – верификация гипотезы относительно того, что в основе толкования сновидений лежит актуализация ассоциативного потенциала слова, выступающего в роли сновиденческого символа (в частности, зоонима).

В соответствии с намеченной целью и выдвинутой гипотезой были сформулированы основные задачи исследования:

- 1) рассмотреть ассоциативную связь как отражение различных типов мышления сквозь призму интерпретации сновидений;
- 2) систематизировать и описать существующие принципы снотолкования с учетом организующей его ассоциативной связи;
- 3) выработать комплексную модель анализа сновиденческого символа;
- 4) выявить компоненты ассоциативного потенциала слова-зоонима, актуализированные в снотолкованиях;
- 5) выявить основные группы снотолкований по тематическому принципу и по характеру прогноза;
- 6) обобщить основные направления актуализации ассоциативного потенциала зоонимического символа применительно к типовому прогнозу снотолкования;
- 7) описать снотолкования, построенные на основе языковой игры.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие **методы**:

- метод структурно-семантического анализа с привлечением методики мотивационного анализа для описания структурных и семантических особенностей снотолкования и характера ассоциативной связи, его организующей;
- метод компонентного анализа для выявления основных когнитивных и оценочных пропозиций, значимых для выстраивания ассоциативного прогноза;
- метод контекстуального анализа для описания ситуативно символических (сюжетно конкретизированных) сновиденческих интерпретаций слова-символа;
- метод классификации для представления слов, организующих семантическую общность «Животный мир» в различных сонниках, в виде упорядо-

ченной системы знаков сна на основе продуцируемого ими характера ассоциативного прогноза.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Прогностическая» информация закрепляется снотолкованием в виде устойчивой языковой формулы, в составе которой выделяются слово-символ (называющее ключевой элемент сновидения) и его интерпретация на основе типовых значений, закреплённых за соответствующим символом в культурной традиции данного жанра, имеющего суггестивную направленность.

2. Снотолкования в письменной традиции их бытования охватывают широкое денотативное пространство, определённым образом структурированное в жанре сонника. На базе трансляции культурных смыслов слова (в конкретном языке) в рамках снотолкования вырабатывается специфическая сновиденческая символика, обусловленная прагматикой жанра. Объяснение «знаков сна» ориентировано на благоприятный или неблагоприятный для адресата прогноз, который спроецирован на типовые для «гадательных» жанров ситуации: богатство – бедность, получение плохих или хороших известий, успех или неудача в каком-то деле и т.д.

3. Ассоциативный потенциал слова как основа вариативности языкового знака предполагает обязательное включение интерпретационного аспекта¹, что напрямую отвечает онтологическому статусу снотолкования, его когнитивной и языковой природе. В этом плане снотолкование может быть рассмотрено как ассоциативная структура, организованная по принципу стимул-реакция, где стимулом выступает словесный символ, обозначающий элемент сновиденческой «реальности», а реакцией является его ассоциативная интерпретация в данной культуре.

4. Толкование символов, организующих семантическую общность «Животный мир», осуществляется в сонниках на базе зооморфных метафор и аналогий. При этом в «сюжетах» снотолкования встреча с *животным* чаще всего интерпретируется как встреча с человеком, на которого ассоциативно переносятся свойства этого животного (*хищное животное – опасность – встреча с врагом* и т.п.). Для названий птиц наиболее частотной символической проекцией является прогноз, связанный с получением вестей (*ласточка – предвестница весны – радостная весть* и т.п.). Все разряды зоонимических символов (зоонимы, орнитонимы, ихтионимы и др.) интерпретируются в сновиденческой традиции в соответствии с универсальным ассоциативным принципом образной зоонимической номинации.

5. Своеобразие символики ключевых для сновиденческой традиции вербальных знаков (в том числе зоонимов) может быть репрезентировано на основе *комплексной лингвокультурологической* модели, которая включает в себя алгоритм пошагового описания актуализированных компонентов ассоциативного потенциала толкуемого слова с учетом когнитивных и оценочных пропозиций; языковой идиоматики, отраженной фраземами, сравнительными оборо-

---

¹ См.: Грдина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996. – С.35.

тами, типовыми контекстами употребления слова; стереотипов обыденного сознания; символического значения слова; доминантных характеристик ассоциативного восприятия слова как элемента снотолкования.

б. Особым кодом интерпретации сновидений является языковая игра с культурными смыслами, что, с одной стороны, поддержано традицией придания сновиденческому прогнозу «мистической предопределенности» (ср. явление «этимологической магии»), с другой стороны, представляет собой «протест» против негативного эффекта суггестии, который может нести в себе интерпретация сна. В традиции снотолкования языковая игра выступает как техника ассоциативной интерпретации (символической мотивации) на основе звукового подобия и различных семантических сближений.

Основные положения диссертации **апробированы** на двух международных научных конференциях «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2004); «Язык. Культура. Коммуникация» (Волгоград, 2006); на двух всероссийских научных конференциях «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2002, 2006). Автор выступал с докладами на аспирантских семинарах кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета. По теме диссертации опубликовано 12 статей.

Структура работы. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключение, библиографического списка, списка источников языкового материала и Приложения.

Краткое содержание работы

Во **Введении** определяется объект, предмет, материал исследования, его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретико-методологическая база, формулируются цели, задачи работы и положения, выносимые на защиту.

Глава 1. «Снотолкование как культурный текст» посвящена описанию толкований сновидений как особого культурного текста и состоит из следующих разделов: «Культурный текст и его признаки» (1.1), «Обобщенно символические и ситуативно символические (сюжетно конкретизированные) толкования сновидений» (1.2), «Устная и письменная традиции снотолкования» (1.3), «Приметы и снотолкования: сравнительная характеристика» (1.4), «Ассоциативная связь в структуре снотолкования как отражение различных типов мышления» (1.5), «Принципы толкования сновидений» (1.6).

Снотолкование как культурный текст в семиотическом смысле характеризуется признаками символичности, аксиологичности и традиционности (Толстой 1995, Толстая 1995, Коновалова 2006), представляя собой прагматическое объяснение смысла реалии и/или целостной ситуации, увиденных во сне.

Символическая природа снотолкования заключается в том, что предметы, явления, лица, действия, увиденные во сне, выступают в качестве символов различных событий, типовых (чаще бытовых) ситуаций человеческой жизни. Сновиденческая символика часто транслирует при этом общеязыковые культурные смыслы соответствующих знаков, сообщая им конкретную жанровую интерпретацию. Так, *корова* как «знак сна» символизирует *прибыль* и *богат-*

ство, волк – коварство, жестокость, предательство и т.д. С точки зрения структурно-содержательных особенностей и функции снотолкование в наибольшей степени приближено к приметам: например, *грач – к наступлению тепла*. Однако существенным отличием снотолкования от приметы является характер информации, которая выступает основой для прогноза, и способ ее интерпретации: в примете описывается ситуация «яви», получающая интерпретацию преимущественно на основе реальных наблюдений над последовательностью определенных событий (например, *муравьи суетятся около муравейника – к дождю*); увиденное во сне представляет собой «ирреальную реальность», которая условно проецируется на «возможные» события реальной действительности: в приметах репрезентирован прямой способ передачи информации, в снотолковании – опосредованный, *символический* (например, *муравьи – к богатству*).

Интерпретация сновиденческих символов связана с системой индивидуальных и коллективных ценностей. *Аксиологичность* как признак снотолкования ранжирует эти ценности по шкале «благоприятный – неблагоприятный прогноз». Например, *бык, вол* как крупные домашние животные выступают символами *прибыли, богатства*. В приведенных примерах сновиденческие символы являются вербальными маркерами материально-бытовых ценностей, наличие которых рассматривается как благоприятное, отсутствие – как неблагоприятное обстоятельство. Ценностную значимость проявляют в толкованиях символов сна и межличностные отношения, пропущенные сквозь призму социальных поведенческих стереотипов, которые связаны с «образом» того или иного животного: *белка – к женскому кокетству* (ср. представления о белке как *подвижном, юрком, скачущем с ветки на ветку пушистом, красивом зверьке*) и т.п.

Традиционность как признак снотолкования проявляется в организации его структуры и содержания (традиционной, сложившейся в ходе формирования жанра выборке сновиденческих символов и типовых направлений их интерпретации), что одновременно свойственно бытованию снотолкования в устной и письменной форме. Генетическое родство устной и письменной традиции снотолкований, их типологическое сходство в плане техники интерпретации, взаимосвязь и взаимозависимость в процессе исторического существования в культуре этноса делает жанр сонника репрезентативным для изучения характера ассоциативной обработки стереотипов обыденного сознания в суггестивном ключе.

Объяснение сновидений представляет собой установление ассоциативной связи между различными предметами, явлениями, ситуациями, лицами, действиями. Характер этой связи зарождается на стадии *мифического мышления* (А.А.Потебня): содержание сновидения объясняется по принципу прямого отождествления «яви» сна и реальности, которая рассматривается как продолжение сна (Л.Леви-Брюль). Тожество «уравниваемых» предметов, явлений при данном типе мышления не подвергается сомнению и является не техникой интерпретации, а единственно возможным способом мировосприятия и миропознания. Мифологические по своей природе толкования в качестве рудимен-

та сохраняются в жанре сонника. Например, *рыба* – к беременности (интерпретация основана на мифологическом представлении о душах в облике *рыбы* («крыбе-душе») [СМ]); *заяц* – к смерти (ср. народные верования, в которых образ *зайца* представляется как персонифицированный облик души умершего человека) [СД]).

На стадии *поэтического мышления* человек начинает оперировать различными образами, приобретающими условное значение. В этом суть «метафор сна» как проявления образно-символической интерпретации. Содержание сновидения воспринимается как особый код, требующий **дешифровки**. Например, *орел* – *почесть, слава; летящий орел* – *успех*. Ассоциативная доминанта восприятия образа *орла* как царя птиц является основой для прогнозирования ситуации *почета, богатства, славы, успеха*. *Воробей* – *пустые обещания (хлопоты)*. Актуализация данного смысла выстраивается на основе восприятия образа воробья как *маленькой, проворной птички, которую довольно сложно поймать*, что в сновиденческой традиции соотносится с ситуацией обманутых ожиданий.

Символический принцип снотолкования получает статус техники интерпретации, основанной на актуализации ассоциативных связей ключевых слов, выступающих обозначением увиденного во сне.

Как ассоциативная структура снотолкование отражает различные виды ассоциативных сближений предметов, явлений «сновиденческой» реальности и окружающей человека действительности (универсальная техника интерпретации «знаков сна» базируется на различных видах ассоциирования). В соответствии с этим предлагается типология принципов интерпретации сновиденческих символов, организующих снотолкование как культурный текст, на основе традиционно выделяемых видов ассоциативной связи (по сходству, по смежности, по контрасту). Например, ассоциативная связь **по смежности**: *жареный поросенок* – к богатому застолью; **по сходству**: *жаворонок* – к раннему визиту непрошеного гостя; **по контрасту**: *галка* – к снегу.

Ассоциативный прогноз сновидения разворачивается на основе разного рода пропозиций, связанных с восприятием значения ключевых слов в контексте репрезентируемых ими типовых ситуаций и представлений. При этом на сновиденческую «реальность» проецируются как общекультурные смыслы ключевого слова-символа, так и смыслы, обусловленные ситуативной конкретизацией, значимой для данного жанра.

В соответствии с этим можно выделить два основных типа символически мотивированных снотолкований: обобщенно символические и ситуативно символические («сюжетно» конкретизированные). Обобщенно символические толкования сновидений представляют собой «свернутую» информацию о типовой ситуации, маркированной ключевым словом. *Мышь, крыса* как грызуны являются знаками *убытка, разорения, нищеты* («грызуны часто символизируют жадность, связанную с разрушением» [СЗЭ]). Ср. выражение *беден, как церковная мышь*, а также ряд народных примет, предсказывающих голод: *Мыши развозились или мыши пицаг* – к голоду; *Мышь одолевает перед голодным годом; мышь одолевает перед голодом* [Даль].

Ситуативно конкретизированная символика снотолкования создается путем акцентирования какого-либо признака, действия, сопряженных с ключевым словом в контексте актуальных для жанра прогнозов (ситуации, связанные с получением новостей, разорением или получением прибыли, с опасностью и т.п.). В таких «сюжетах» опосредованно отражаются существующие в сознании народа поведенческие регламентации, обрядовые действия, нравственные нормы, житейский опыт, связанные с моделированием ситуации будущего по знаку сна. Например, *бегать за мышью – к сватовству* (сюжет, спроецированный на ситуацию ловли, значимую для свадебных игр). Ср., в частности, ситуативно конкретизированные толкования орнитонима *воробей*: *кормить воробья – к свадьбе; чирикающие воробьи – к досадным сплетням; выпускать воробья – вы будете распускать слухи о ком-то; поймать воробья – к новому неприятному знакомству; воробей, залетевший в дом – предстоит небольшое любовное приключение, которое скоро закончится и не будет иметь дурных последствий.*

Отмеченные параметры позволяют рассматривать снотолкование как текст, содержащий этнокультурную информацию, извлечение которой возможно путем анализа связи между толкуемым словом-символом и его ассоциативными «интерпретантами» (на основе соотношения стимул – реакция, характерного для описания ассоциативного поля). Это позволяет рассматривать содержание снотолкования сквозь призму АПС.

Глава 2. «Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений» посвящена описанию специфики актуализации АПС в снотолковании как культурном тексте и состоит из следующих разделов: «Ассоциативный потенциал слова в контексте толкования сновидений» (2.1), «Комплексная модель описания ассоциативного поля сновиденческого слова-символа» (2.2).

Основной предпосылкой появления концепции АПС выступает развитие теории лексического значения (ЛЗ). В рамках различных научных парадигм предлагаются модели значения слова, учитывающие как социально обусловленные (треугольник Ричардса-Огдена), так и личностные аспекты отражения слова в сознании носителей языка и их речевой деятельности. Особый интерес в этом плане представляет собой психологическая модель значения, в структуре которой выделяются значение как присвоенный личностью социальный опыт, личностный смысл («значение значения» для говорящего) и чувственная ткань (А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия). Из лингвистических моделей для разработки понятия АПС наиболее ценна полевая (интегральная) модель ЛЗ, в структуре которой выделяются ядро, ближняя и дальняя периферия (М.В.Никитин, Г.Н.Скляревская, И.А.Стернин и др.). Если объем ближней периферии, куда входят социально отфильтрованные эмоционально-экспрессивный и оценочный компоненты значения, в лингвистике определяется в целом однозначно (Н.А.Лукиянова, Т.В.Матвеева, Е.Ф.Петрищева и др.), то относительно зоны дальней периферии полного единства мнений нет. Не определен, в частности, тот порог, который выводит дальнюю периферию за уровень собственно языковой семантики. Не до конца ясным остается вопрос о методах выделения

компонентов так называемого лексического фона (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров). Наиболее релевантным для описания ЛЗ с учетом его полевой природы является понятие ассоциативно-вербальной сети (Ю.Н.Караулов), выстраиваемой на основе экспериментальных ассоциативных методик. Однако проблема АПС не исчерпывается только рассмотрением тех ассоциативных признаков, которые закреплены в особой зоне ЛЗ (т.е. узким определением АПС). Широкое понимание АПС связано с описанием совокупной «ассоциативной валентности знака, допускающей системное (внеконтекстуальное) и речевое варьирование его плана выражения и плана содержания и **различную интерпретацию**» [Гридина 1996: 35].

В рамках когнитивной лингвистики описание АПС соотнесено с понятием пропозиций, обуславливающих развитие различных ассоциативных структур. В семантическом плане пропозиция понимается как отражение отношений, характеризующих объекты и события (В.В.Красных), некоторой ситуации и типов отношений в ней (Ю.Г.Панкрац). Структура пропозиции, кроме указания на действительное или мнимое положение дел, содержит субъективный фактор, который выражается в нашем отношении к описываемым событиям (О.И.Глазунова), что обуславливает специальное выделение оценочных пропозиций.

Ассоциативная «обработка» когнитивных и оценочных пропозиций является **основой интерпретации слова-символа в сонниках**. Эти пропозиции могут восходить к мифологическим представлениям, народным верованиям, сакральным мотивам: например, одно из толкований сновиденческого символа *петух* – *к счастью, довольству* отсылает к представлениям о данной птице как «опекуне хозяйства» (согласно народным верованиям, *без петуха не будет водиться скот, у коровы будет безвкусным молоко*; считалось также, что *петух приносит в дом счастье*; в гадательной традиции петух почитался «существом, особенно способным для предсказания счастья»). Профанная сновиденческая символика *петуха* связана с оценочными пропозициями *крикливая, задиристая птица*. Ср. *петух* – *к брани, ссорам, раздору*.

В психолингвистическом смысле понятие АПС характеризует представленность значения слова в сознании носителя языка, что применительно к интерпретации сновидений связано с актуализацией в снотолковании тех компонентов смысла ключевого слова, которые «мотивируют» прогноз, соответствующий или не соответствующий ожиданиям адресата. Например, в сонниках *вол* выступает символом *здоровья*, что поддерживается типовыми представлениями о свойствах данного животного – *большой, сильный, выносливый* (ср.: работать, как вол). В данном случае прогноз имеет рациональный характер. В то же время интерпретация сновидений довольно часто эксплуатирует лишь формальное сходство ассоциатов. Ср.: *клопы* – *хлопоты* и *заботы*; *баран* – *оскорбительные слухи, брань*; *жеребенок* – *к разлуке со своим ребенком*. Такие толкования свидетельствуют об особенностях восприятия знаков сна через аттракцию сходных по звучанию слов.

В культурологическом аспекте значимыми для разработки АПС являются понятия культурной коннотации и символического значения слова. В снотол-

ковании символическая семантика может транслироваться прямо или косвенно, при этом культурная и сновиденческая символика могут совпадать или не совпадать. Например, слову *заяц* в языке и народной культуре присуще образно-символическое значение *трусости* (ср. *труслив*, как *заяц*, *дрожать*, как *заяц*); в снотолковании символика *трусости* получает развитие через ассоциаты *боязнь*, *страх*, связанные с ситуацией *опасности*. Собственно сновиденческой символикой обладают в сонниках целые группы зоонимов (чаще всего орнитонимов), выступающих знаком *получения известий* (хороших или плохих). При этом вне данного жанра такой символикой обладают только некоторые из них (например, *голубь*). Ср.: *кориун* – к неприятным вестям, *перепел* – новые, но неприятные вести и т.п. В таких интерпретациях, однако, проявляется прототипическая символика птицы.

Понимание АПС как ассоциативной валентности знака, обуславливающей возможность его различной интерпретации, с одной стороны, и определение снотолкования как жанра, обладающего собственной содержательной структурой и формой, собственной прагматической функцией, с другой стороны, позволило выработать комплексную лингвокультурологическую модель анализа ассоциативных проекций, представленных в интерпретации сновиденческого символа.

Данная модель включает следующий алгоритм пошагового описания актуализированных компонентов ассоциативного потенциала толкуемого слова: 1) выделение типовых сновиденческих смыслов на основе имеющихся толкований; 2) выделение когнитивных и оценочных пропозиций на основе компонентного анализа ЛЗ и языковой идиоматики, отраженной, прежде всего, фразами, сравнительными оборотами, типовыми контекстами употребления слова; 3) привлечение данных «Русского ассоциативного словаря» (РАС) для верификации выделенных когнитивных и оценочных пропозиций с учетом показаний обыденного сознания современного носителя языка; 4) описание культурной символики слова с привлечением данных культурологических словарей («Русское культурное пространство» [РКП], «Славянская мифология» [СМ], «Славянские древности» [СД], «Славянский бестиарий» [СБ], «Энциклопедия примет и суеверий» [ЭПС], «Символы, знаки, эмблемы» [СЗЭ] и др.); 5) интерпретация сновиденческой символики на основе доминантных характеристик ассоциативного восприятия слова как элемента снотолкования.

Проиллюстрируем предложенный алгоритм интерпретации на материале снотолкований зоонимического символа **МЕДВЕДЬ**.

1. *Медведь* как ключевой «знак сна» символизирует а) встречу с врагом / искусственным неприятелем, б) ленивым хозяином, в) избавление от неприятного гостя; г) прибыль, богатство, д) любовно-брачные отношения (свидание, свадьбу).

2. В толковом нормативном словаре зооним *медведь* имеет следующие значения: МЕДВЕДЬ – 1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. || мех этого животного, а также изделие из такого меха. 2. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. || О невоспитанном человеке.

Компонентный анализ ЛЗ позволяет выделить следующие когнитивные и оценочные пропозиции, значимые для сновиденческой символики слова:

- когнитивная пропозиция *крупное хищное животное*, оценочная пропозиция *сильный, опасный зверь*, актуальные для представления через образ *медведя* ситуации *опасности*, исходящей от *враждебно настроенного человека*; ср.: *Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы* [Даль];

- пропозиции когнитивного и оценочного характера *с толстыми короткими ногами*, следовательно, *неповоротливое, неуклюжее животное* актуальны для сновиденческой символики *медведя* как *неумелого, неискusstvenного противника («врага»)*; данные пропозиции находят отражение во фразеологических оборотах *медвежья услуга* – помощь, настолько неумелая или неуклюжая, что приносит только неприятности тому, кому оказывается; *медвежьи объятия* – разг. шутол. тяжелые и неловкие;

- когнитивная пропозиция *крупное животное*, актуализирующая представление о величине и большом весе (количественном объеме чего-либо), ассоциативно связанная с ситуацией *получения прибыли*. Данная пропозиция поддержана представлениями о *медведе* как *крупном охотничьем трофее*, *получение которого сопряжено с большой опасностью и не всегда достигает цели*. Ср.: *Делить шкуру неубитого медведя* – распределять между собой прибыль от предполагаемого, но еще не осуществленного дела, предприятия. Или: *Счастлив медведь, что не попался стрелку; а стрелок счастлив, что не попался медведю* [Даль];

- когнитивная пропозиция *животное, впадающее зимой в спячку* (ср. отражение данной пропозиции в образном выражении *сосать лапу* – жить, не имея достаточных средств к существованию, довольствоваться минимумом; бесцельно терять время, *бездельничать*) актуальна для сновиденческой символики *медведь* – *к встрече с ленивым человеком*;

- оценочные пропозиции *дикий, нелюдимый, хозяин, не терпящий вторжения на свою территорию*, выводимые на основе когнитивной пропозиции *медведь* – *животное, живущее в берлоге* (ср. *смотреть [или глядеть] медведю* – быть, казаться нелюдимым, угрюмым; *двум медведям в одной берлоге не ужиться*), значима для сновиденческой проекции на ситуацию *избавления от неприятного гостя*.

Развитие сновиденческой символики зоонима *медведь* определяется в целом такими ассоциативными доминантами его восприятия, как *крупный, хищный, сильный, опасный, ленивый, неуклюжий*. В целом эти доминанты обнаруживают совпадение с содержанием прямых и переносных значений слова в языке, однако приобретают в сновиденческой интерпретации символические смыслы, обусловленные прагматикой жанра.

3. Ассоциаты на стимул *медведь* фиксируют актуальность представлений о животном как о крупном (большой 3, толстый 3); сильном (сильный 2; огромный и сильный 1, сила 1); грубом (неотесанный 1); неуклюжем (косолапый 11, неуклюжий 2; увальень 1); страшном (2), злом (1) и глупом (тупица 1) [РАС]. Индекс частотности данных реакций свидетельствует о том, что они находятся на периферии ассоциативного поля и выступают в виде базо-

вых или фоновых представлений, «мотивирующих» сновиденческую интерпретацию символа *медведь*.

4. Данные культурологических словарей поддерживают отраженные в толкованиях сновидений символические проекции слова *медведь*.

С образом *медведя* у русских связываются представления о *большой физической силе, лени* (всю зиму проводит в спячке в своей берлоге и сосет лапу), о *неуклюжести и незлобivosti в сочетании с умением постоять за себя*: рассерженный медведь способен смести все преграды, одолеть любого противника. В фольклоре *медведь* часто предстает как *жадный и недалекий*, он часто становится жертвой обмана; он непреднамеренно *неловок, груб, разрушает все вокруг себя* [РКП]. *Медведь* также олицетворяет *опасность, непредсказуемость, дурной нрав, зло, грубость, жадность*, а также *жестокую примитивную силу* [СЗЭ]. Ср. также символическое значение слова *медведь* как *обозначение гнева* [СБ]. С признаком силы *медведя* ассоциативно соотносится и символика *богатства*. Ср.: *Богатый силен, что медведь* [Даль]. В традиционных народно-мифологических представлениях животному присуща символика *плодородия и плодovitости*, отраженная, в частности, в свадебном обряде, в любовной магии, в лечении бесплодия и т.п. Так, если введенный в дом ручной медведь зарвет посреди хаты, значит, в этом доме скоро будут петь свадебные песни, то есть будет свадьба [СМ].

5. Обобщая сказанное, можно отметить, что в большинстве своем толкования слова *медведь* в сонниках построены по принципу образной зооморфной аналогии.

Медведь выступает символом *враждебного отношения* кого-л. к адресату снотолкования (организует типовую для данного жанра аналогию *хищное животное – враг*). Ассоциативная цепочка, прогнозирующая данный символический смысл слова в снотолковании: *медведь – крупный хищник – сила – угроза – враг*. Ср. детализацию и сюжетное развитие этой образной проекции: *медведь – грубый, злой и страшный враг; медведь – богатый, сильный, смелый и жестокий, но неискусный неприятель; убить медведя – восторжествовать над врагом*. На основе представлений о *грубой силе* крупного хищного животного в снотолкованиях ассоциативно репрезентированы смыслы *грубый, злой, страшный*.

Медведь символизирует *ленивого хозяина*. Представления об образе жизни животного соединяются с оценкой внешнего облика *медведя* (его *тяжеловесности, неповоротливости* как «признаках» проявления *лени*). В сонниках зооморфная аналогия *медведь – ленивый человек* детализирована применительно к оценке деятельности *хозяина дома* (не обременяющего себя хлопотами по обустройству собственного жилища, ср. *медвежья берлога*). Зооним *медведь* при этом транслирует символику *главенства* (ср. табуистическое название медведя – *хозяин*). О возможности ассоциативного соотнесения образа *медведя* как *хозяина леса* с *главой (хозяином) дома* свидетельствует следующее сравнение: *Хозяин в дому, что медведь в бору: что как хочет, так и ворочит* [Даль].

Медведь как знак сна связывается с образом *неприятного гостя*. Ср. дета-

лизацию и сюжетное развитие этой образной проекции: *убить медведя – избавиться от неприятных гостей*. В основе интерпретации лежат оценочные стереотипы *злой, свирепый, дикий, агрессивный* зверь, встреча с которым опасна для человека. В снотолковании, вероятно, актуализированы также пропозиции, связанные с представлением об образе жизни медведя как ассоциативно соотносительном с образом жизни нелюдимого человека. Данная интерпретация сопоставима с народным поверьем о том, что за негостеприимство человек может превратиться в медведя [ЭПС].

Медведь как сновиденческий символ любовно-брачных отношений транслирует культурную информацию, закрепленную в народных обрядах, любовной магии и приметах, обусловленную тем, что данное животное было тотемом у славянских народов, соответственно покровительствовало человеку в продолжении рода (ср. символику плодовитости у медведя), ср. также обычай магического брака с тотемным предком (медведем), отраженный в фольклоре. Сновиденческие толкования строятся на профанных интерпретациях, косвенно отражающих этот архетипический (мифологический) смысл. Ср.: *медведь – означает свидание с женаминами; взаимность в любви; есть медвежатину – к свадьбе в семье* и др. Ср. также тот факт, что на периферии ассоциативного поля стимула *женых*, по данным РАС (Т.П «От реакции к стимулу»), представлен ассоциат *медведь*.

Сновиденческая символика *богатства и прибыли*, соотношенная с образом *медведя*, базируется на типовой для жанра снотолкования аналогии: *крупное животное – получение (увеличение) прибыли, богатства* (ср., например, *бык, вол, слон*, увиденные во сне, – к *богатству*). Данная модель сновиденческой интерпретации зоонимических символов построена на принципе экспрессивного «отождествления» (*крупный – большое количество – прибыль*). Ср. детализацию и сюжетное развитие этой ассоциативной проекции символа *медведь*: *медведь – к выигрышу в игре; убить медведя – к прибыли*. В ряде случаев символика *богатства* мотивируется сюжетом «убийства медведя», отсылающим к ситуации охоты.

Интерпретация сновиденческих символов по данной модели представлена в основной части работы на материале базовых зоонимов, наиболее частотных для жанра толкования сновидений (по материалам нашей выборки) и в то же время отраженных в словарях «Славянская мифология» (под ред. Н.И.Голстого) и «Русское культурное пространство» (под ред. И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова): *аист, баран, волк, ворон (ворона), голубь (голубка), жаба, заяц, змея, комар, медведь, муравей, мышь, орел, петух, рыба, ящерица* (всего 16 зоонимов). Описание других базовых символов, не вошедшее в основную часть работы, содержится в Приложении (всего 34 зоонима): *акула, бабочка, белка, блоха, бык, вол, воробей, вошь, гусь, еж, ерш, жаворонок, журавль, клоп, конь, корова, кукушка, ласточка, лебедь, лиса, лошадь, лягушка, муха, обезьяна (мартышка), окунь, паук, потугай, саранча, слон, соловей, сорока, таракан, цука, ястреб (коршун)*. Оставшиеся снотолкования анализировались как отдельные единицы в определенном ракурсе, значимом для иллюстрации основных положений текста диссертации.

Символическая природа толкуемых в сонниках зоонимических символов отражается в наличии у них разнообразного спектра значений. Подобная символическая многозначность мотивируется (объясняется) тем, что основу интерпретации слова составляет ассоциативное развертывание различных когнитивных и оценочных пропозиций применительно к прагматике жанра. Сновиденческая символика также определяется базовой идиоматикой, фраземами, образной репрезентацией зоонимов, мифологией, обрядовой символикой, сюжетной конкретизацией их представления в структуре снотолкования (ситуативной мотивацией).

Глава 3 «Семантическая общность «Животный мир», представленная в сонниках XIX-XX вв.» содержит анализ денотативного пространства, репрезентируемого сновиденческой символикой зоонимов, и состоит из следующих разделов: «Тематическая классификация зоонимических символов» (3.1), «Ассоциативно-символические проекции единиц семантической общности «Животный мир» в жанре снотолкования (3.2), «Основные направления актуализации ассоциативного потенциала слова применительно к типовому прогнозу снотолкования» (3.3).

Денотативное пространство зоонимов как сновиденческих символов «явлено» сквозь призму различных ситуаций, интерпретированных в снотолкованиях (соннике) на основе значимых для данного жанра когнитивных и оценочных пропозиций. Семантическая общность «Животный мир» в сонниках репрезентирована тематическими группами (ТГ) «Звери», «Птицы», «Гады», «Насекомые», «Рыбы», в целом отражающими народную классификацию животных, отличающуюся от естественнонаучной меньшим числом классов и объединяющую данные группы в ТГ «Животные».

Для сновиденческого прогноза также весьма существенна тематическая дифференциация зоонимических символов на группы орнитонимов, ихтионимов, энтомонимов и т.п. и внутреннее более дробное членение на отдельные подгруппы по видовым признакам. Такая дифференциация определяет характер прогноза зоонимических номинаций в целом и его конкретизацию применительно к типовым для жанра ситуациям.

В ТГ «Звери», «Птицы», «Рыбы» значимым для реализации оценочного характера прогноза является противопоставление *хищный – нехищный*, а также для ТГ «Звери», «Птицы» противопоставление *дикий – домашний*. Так, зоонимы, называющие хищных зверей / птиц / рыб, символизируют **опасность** (*волк, лев, лиса, пантера, тигр; кориун, сова, филин; акула* и др.), **смерть** (*барс, волк; ворон, грач, орел, сова* и др.); **убыток, разорение** (*волк, лев; акула, щука* и др.); **ссоры** (*волк, лиса; кориун, орел; щука* и др.) и т.п. Ситуации же «убийства» этих животных или употребления их в пищу во сне несут благоприятный прогноз для адреса снотолкования. Например, *убить волка – смерть врага; убить ворона – победа над неприятелем; убить акулу – к победе над врагом; есть мясо льва – к богатству* и др. Ср. названия «мирных» птиц, обладающих символикой **семейного счастья и благополучия** (*аист, ласточка, веселых, радостных событий, приятных новостей* (*голубь, жаворонок, со-*

ловей), домашних животных и птиц с символикой *прибыли* и *достатка* (*баран, корова, курица*) и т.п.

Типовую символику, связанную с неблагоприятным прогнозом, имеют названия ТГ «Гадьы». Так, *асpid, гадюка, змея, удав, уж* и др. ключевые единицы этой группы обозначают *ссоры, неприятности, коварство*. В ТГ «Насекомые» неблагоприятный характер прогноза связан с толкованием энтомонимов, называющих кусающих насекомых (*комар, оса, овод* и др.) и насекомых-паразитов (*блоха, вошь, клещ, клоп* и др.). Ср., например: *клоп, овод – болезнь; оса, комар – ссоры, обиды* и т.п. В плане развития как положительного, так и отрицательного прогноза значимым оказывается признак «множество». Например: *блохи – к пустым хлопотам, неприятности; блохи – к богатству*.

Общими для различных групп денотативного пространства являются символические смыслы, спроецированные на типизированные ситуации человеческой жизни (*богатство – бедность, любовь – «нелюбовь», успех – неудача, радость – грусть, болезнь – здоровье, жизнь – смерть; получение известия, исполнение желания* и т.п.).

Одно и то же прогностическое значение, представленное разными вербальными носителями в жанре сонника, служит основой «предсказательной синонимии» (термин Т.С.Садовой) как отличительной черты «гадательной» традиции. При этом «синонимическая» интерпретация может быть репрезентирована как тематически однородными номинациями (ср. птицы семейства вороновых – *несчастья, горестные вести*; хищные птицы – *опасность, вражда, убытки*), так и номинациями, не входящими в одну ТГ (в данном случае прогноз выстраивается на основе разных когнитивных пропозиций).

В то же время частотность того или иного прогностического значения для определенной ТГ свидетельствует о специализации зоономических символов по отношению к той или иной типовой ситуации. Так, символика *получения известия*, общая для всех групп зоономических номинаций, наиболее частотна для орнитонимов и основывается на прототипическом образе *птицы* (перемещающаяся в пространстве с помощью крыльев, быстро летящая: так, в народной гадательной традиции характер прогнозируемых известий маркируется направлением полета птицы). В сонниках символика получения какого-либо известия определяется конкретным видом птицы. Орнитонимы, называющие птиц семейства вороновых (*ворон, ворона, грач*), символизируют *горестные, неприятные вести*, орнитонимы, называющие певчих птиц (*соловей, жаворонок*), – *радостные вести*. В «сновиденческом лексиконе» знаками *получения новостей* также выступают зоонимы, энтомонимы, ихтионимы, названия гадов (это поддерживается общим представлением о «передвижении» – по земле, по воздуху, в воде и т.п. – как знаке получения чего-либо, в том числе и вестей), однако данное прогностическое значение находится на периферии репрезентируемых данными ТГ символических смыслов.

Спектр общих значений зоономических символов получает специализацию на основе мотивировки прогностического значения различными пропозициями, «актуальными» для каждой из групп в отдельности. Показательны в этом отношении символические значения *смерти* и *богатства*, представ-

ленные разными ТГ зоонимов.

Так, символизация *смерти* единицами ТГ «Гады» (*удава, гадюка* и др.) поддерживается представлением о хтонической природе животных, составляющих эту группу. В народном сознании пресмыкающиеся связаны с *землей*, в нее они уходят «на зимовье» (ср. обычай предания земле умершего человека). Символика *смерти* поддерживается также обобщенным образом ядовитой змеи как знаком опасности для человека. Для ТГ «Птицы» и «Насекомые» в качестве основы рассматриваемой символической проекции выступает представление о птицах и насекомых как душах умерших [Голстая 2002]). Ср.: *ловить ночных бабочек – тосковать по умершим* (это соотносится с этимологией слова бабочка, восходящему к *баба* – душа предка женского пола). В ТГ «Звери» символизация смерти номинациями, входящими в подгруппу «домашние звери», обусловлена мотивом «убоя скота» (например, *убить быка – к смерти*). В подгруппе «дикие звери» символика смерти сопряжена с представлениями об опасности, связанными с образом дикого хищного зверя (например, *волк – к смертельной опасности*).

Символика *богатства* у единиц ТГ «Гады» связана с представлениями о возможности владения ими подземными кладками и сокровищами. Например, *аспид – к богатству; съест ящерицу – к обогащению*. Пропозициями, значимыми для актуализации этой же символики в ТГ «Звери» являются: величина (большой объем, вес) животного (*бык, буйвол, слон* и др.), его плодовитость (*кролик, свинья, крыса* и т.п.). *Богатство* также означают зоонимы, называющие животных, имеющих ценный мех (*горностаи, соболь, барс* и др.), способных к быстрому передвижению: *лань, борзая собака, охотничья собака* (ср. ассоциативную связь быстроты с увеличением количества чего-либо) и др. В ТГ «Рыбы» прогнозирование *богатства* часто связывается с ситуацией ловли рыб. Ср.: *ловить рыбу – к прибыли*. В некоторых интерпретациях существенной оказывается когнитивная пропозиция *промысловая рыба*. Ср.: *семга – к благополучию, судак – получение материальной выгоды*.

Ключевыми по своей значимости для жанра сонника являются «персонажи», обладающие широким спектром символических значений (такие, например, как *медведь*). К периферийным символам относятся единицы разных ТГ, которые не являются оценочно маркированными в традиционной культуре, однако получают сновиденческую интерпретацию по аналогии с базовыми для группы символами (например, *перепел – к неприятным вестям, бегемот – к богатому покровителю*).

Преимущественное число снотолкований зоонимических символов базируется на ассоциативном переносе *свойств* животного на человека. В системе таких толкований можно выделить две группы объяснений: интерпретации, основанные на языковой зооморфной метафоре (ср.: *змея – к встрече с коварным человеком, лиса – к встрече с хитрым обманщиком, осел – к ссоре с упрямым человеком* и т.д.), и интерпретации, организованные по принципу обратной зооморфной аналогии, не имеющей узуального характера, осмысленные в русле прагматики жанра (ср.: *волк – к врасу, кориун – враг* и др.).

По характеру интерпретаций, ориентированных на представление типового прогноза, можно отметить соотносительность родовых и видовых наименований в каждой из названных ТГ, составляющих семантическую общность «Животный мир». В соответствии с этим в системе символических значений конкретного зоонима выделяется общая символика (свойственная всей ТГ или отдельной подгруппе в ее составе) и частная (свойственная конкретному зоонимическому символу). Например, общая символика хищной птицы связана с мотивами *вражды, коварства, жестокости, беспощадности* (например, *кориун, ястреб*). Ср. частную символику орнитонима *орел*, обусловленную актуализацией в интерпретациях таких ассоциативных признаков его лексического фона, как *смелость, удаля, отвага, могущество, покровительство*. Ср.: *орел – почесть, слава; видеть или кормить орла – иметь в гостях военного человека, прославленного героя; приручить орла – приобрести могущественного покровителя*.

Можно также отметить наличие в сонниках, хотя и представленных с разной частотностью, зоонимических символов, соотносительных по принадлежности животного, птицы к мужской или женской особи, а также по соотношению *взрослая особь – детеныш*. Такие «группы» включают в себя преимущественно названия домашних животных и птиц (например, *петух – курица – цыпленок, утка – селезень, кот – кошка – котенок, пес – собака – щенок, баран – овца – ягненок, бык – корова – теленок*). Соотносительные по гендерному принципу номинации обладают тождественной символикой главным образом в том случае, если в языке и культуре они *не нагружены разными оценочными коннотациями* (например, *голубь – голубка* – к получению хороших вестей, к разлуке). Ср. различия в символической интерпретации орнитонимов *петух – курица: петух – к ссоре, перебранке, драке, курица – к глупости, обману*. Данные интерпретации не являются «взаимозаменяемыми», так как курица не обладает коннотацией *драчливая птица, а петух – глупая птица*.

В группе соотносительных по возрастному принципу номинаций сходной символикой наделяются зоонимы, называющие детенышей (невзрослых особей). Эти номинации чаще всего «предсказывают» *хлопоты, проявление глупости со стороны близкого человека, болезнь* и т.п. Ср.: возможные ассоциативные развертки: *маленький – глупый; маленький – нуждающийся в заботе, внимании; маленький – болезненный* и т.п. Например, *щенок – к глупой выходке, поросенок – к болезни*.

Таким образом, денотативное пространство, описываемое зоонимическими символами, отражает основные направления актуализации ассоциативного потенциала разных групп семантической общности «Животный мир» применительно к универсальному коду зоонимической номинации, связанной с обозначением самого человека и окружающей его реальности через «образ» животного.

Глава 4. «Языковая игра как основа интерпретации зоонимических символов в жанре сонника» посвящена рассмотрению языковой игры как особой мотивационной техники интерпретации сновидений. Данная глава состоит из следующих разделов: «Языковая игра как мотивационный код снотолко-

вания» (4.1.), «Конструктивные принципы языковой игры в жанре снотолкования» (4.2.).

В связи с проблемой актуализации АПС в структуре снотолкований, входящих в состав сонника, вполне закономерным представляется обращение к языковой игре (ЯИ) как феномену, связанному с мотивационной «техникой» интерпретации сновиденческого символа. К группе снотолкований с использованием ЯИ нами относятся объяснения, в основе которых лежит собственно лингвистический мотивационный код, который в генетическом плане соотносится с явлением «этимологической магии». Особенности мотивационного кода ЯИ в снотолковании заключаются в том, что она, с одной стороны, актуализирует широкий спектр ассоциаций, связанный с интерпретацией формы и содержания языкового знака; с другой стороны, вписана в культурный контекст: культурные (мифологические, сакральные) и языковые смыслы могут накладываться друг на друга. Например, *ворона, ворон*, увиденные во сне – к *вору*. В данном случае сближение *ворон, ворона* и *вор*, основанное на случайной фонетической связи ассоциатов, «поддержано» эмпирическим представлением об особенностях поведения птицы (склонной к «воровству»). Ср. также тот факт, что *хищность, кровожадность* и *разбой* – характерные мотивы, связываемые с образом ворона и вороны в народной культуре [СД].

Символическая интерпретация слов в соннике маркируется тем или иным «техническим» приемом ЯИ. Значимыми в этом плане являются принципы *ассоциативной выводимости, ассоциативного наложения и ассоциативного отождествления*¹. **Принцип ассоциативной выводимости** заключается в установлении формально-смысловой мотивационной зависимости между сновиденческим символом и интерпретантами. Например, *корова* как ложноэтимологически осмысленный символ ассоциируется с *ревом* (ср.: *корова* – к *реву*). Снотолкование строится на основе созвучия и рифмы. *Носорог – к упрямому человеку, который будет настаивать на своем, а вы будете нервничать*. Ассоциативное символическое осмысление зоонима *носорог* основано на актуализации внутренней формы (животное с *носом в виде рога*; ср. также выражение *упереться рогом*). Данный принцип является основополагающим для жанра снотолкования в целом и для мотивационной интерпретации на базе ЯИ в частности. Главные направления ЯИ в рамках реализации данного принципа представлены следующими группами мотивационных моделей:

- толкования, основанные на этимологической рефлексии, актуализации внутренней формы – исходной мотивированности вербального сновиденческого символа (например, *клещ – к врагу, который цапнется в вас не на жизнь, а на смерть*. Ассоциативный перенос клещ – «цепкий враг» отражает признак, изначально представленный в названии данного насекомого. Ср.: клещ – суф. производное (суф. –j-, stj>щ) от той же основы, что и *клевстить, клецишь* «стискивать, сжимать, сдавливать»);
- толкования, основанные на ложноэтимологическом сближении снови-

---

¹ Данные принципы выделены Т.А.Гридиной применительно к описанию ассоциативной стратегии языковой игры [Гридина 1996].

денческого символа и слова-интерпретанта в прогнозирующей части; например, *лошадь – ко лжи, воробей – к воровству, баран – к брани*;

- толкования, основанные на актуализации синхронной мотивационной связи между интерпретируемым сновиденческим символом и его вербальным ассоциатом. Ср.: *Буревестник – к получению какого-то известия*. Внутренняя форма «предвестник бури» получает лишь частичную актуализацию в снотолкованиях. Соотнесение с однокоренным эпидигматом (*буревестник – известие*) вполне вписывается в характерную для тематической группы орнитонимов сновиденческую символику.

Принцип ассоциативного наложения заключается в формировании символического значения толкуемого в соннике слова через актуализацию многозначности и/или омонимии (при выборе интерпретатора, ассоциата в прогнозирующей части снотолкования). Например, *ласка* (пушной зверь) – к *ласковому* другу. В ряде случаев объяснение может представлять собой фразеологизм, словесными компонентами которого являются толкуемое слово или ассоциаты, выполняющие функцию ситуативных маркеров. Например, *гадюка – вы прирели змею на груди; боров – вам подложат хорошую свинью*.

Принцип ассоциативного отождествления представляет собой эксплицитное или имплицитное отождествление слова-символа и/или его вербальных ситуативных конкретизаторов с ассоциатами-интерпретаторами.

Одно и то же слово в составе интерпретируемой и интерпретирующей части снотолкования маркирует разные ситуации, уравнивая (отождествляя) увиденное во сне и реальность на основе одинакового или частично тождественного по форме языкового маркера. Например: *Лев, расхаживающий на свободе*, – к *свободе от всяческих предрассудков*. Символика льва как царя зверей (животного, не ограниченного в своей свободе в *естественных* условиях существования), ассоциативно отождествляется с символикой свободы от предрассудков, ограничивающих свободу поведения человека. Языковым маркером ассоциативного отождествления выступает слово *свобода*.

Данные принципы предстают не в чистом виде, а в совокупности, что создает возможность многослойной и разнонаправленной интерпретации символа сновидения, что в целом отвечает суггестивной природе жанра снотолкования.

В Заключении содержатся выводы, к основным из которых относятся:

- ✓ ассоциативный потенциал слова является основой его символической интерпретации в жанре снотолкования;

- ✓ когнитивный базис толкований сновидений составляют определенные образы и ситуации, получившие в культуре того или иного народа устойчивую, стереотипную интерпретацию;

- ✓ ассоциативная природа снотолкования как интерпретационной структуры допускает потенциальную актуализацию различных «признаков», направляющих и/или поддерживающих то или иное направление толкования. Ситуативная мотивировка «знаков сна» представляет собой частную проекцию символического значения, которая, с одной стороны, есть его варьирование, с другой стороны, позволяет символическому значению в своей основе оставаться неизменным;

✓ представленные в сонниках зоонимические символы в совокупности охватывают определенное денотативное пространство, отражающее категоризацию мира в символической проекции – путем ассоциативного перенесения увиденного во сне на реальную действительность;

✓ зоонимический символ в толкованиях сновидений транслирует представления, связанные с «образом» того или иного животного: внешний вид, повадки и т.п., различные символические представления, народные поверья и легенды; приметы, связанные с поведением животных / птиц, обрядовую (святочную) символику того или иного животного и др.;

✓ репрезентация в снотолковании как культурном тексте ассоциативных стереотипов, национально-культурных компонентов, закрепленных в фоновой семантике языковых единиц, определяется тем, что «толкующий» сны социум (человек) субъект мыслит в рамках той культуры и того языка, представителем и носителем которых он является;

✓ ЯИ в снотолковании может быть соотнесена с символическими проекциями, которые выстраиваются с учетом **условности** применяемого кода интерпретации вербального знака как ключевого элемента снотолкования (когда техника снотолкования манипулирует не столько имеющимся реальным житейским опытом народа в осмыслении реалий, увиденных во сне, сколько самой языковой формой и значением слова, называющим эту реалию).

Перспективы исследования заключаются в возможности использовать модель анализа зоонимических символов снотолкования как универсальный аналог для описания других фрагментов денотативного пространства «реальности сна». Представляется необходимым дальнейшее исследование письменной традиции снотолкования в соотношении с устной традицией, а также привлечение к анализу не только субстантивных, но и атрибутивных, и глагольных символов с учетом их частеречной специфики и когнитивно-культурных позиций в реализации ассоциативного прогноза.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа его толкования в сонниках (по данным психолингвистического эксперимента) // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 1. – С.24-34.

Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа его толкования в сонниках // Язык. Система. Личность. Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002. – Екатеринбург, 2002. – С.52-57.

Иванилов В.М. Языковая игра в русских народных толкованиях сновидений // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С.6-14.

Иванилов В.М. Фитоморфная метафора в народных толкованиях сновидений // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 3. – С.56-64.

Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений (на материале слов-зоонимов) // Актуальные проблемы развития

гуманитарных наук. Восьмой конкурс научных работ студентов высших учебных заведений Свердловской области. Сборник тезисов работ-призеров. – Екатеринбург, 2004. – С.3-5.

Иванилов В.М. Языковая картина мира в этнокультурном аспекте // Философия и наука: Материалы третьей межвузовской научно-практической конференции аспирантов и соискателей «Философия и наука», г. Екатеринбург, 21 апреля 2004. – Екатеринбург, 2004. – С.100-102.

Гридина Т.А., Иванилов В.М. Мотивационный код народных снотолкований // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т.14. – С.128-146.

Иванилов В.М. Принципы интерпретации сновиденческих символов (на материале сонника «Oneirocritica» Артемидора) // LINGUISTICA JUVENIS. Язык в свете традиционных и новых научных парадигм: Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 6. – С.74-85.

Иванилов В.М. Ассоциативное поле сновиденческого символа // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 3. – С.122-142.

Иванилов В.М. Снотолкование как источник этнокультурной информации // Язык. Культура. Коммуникация [текст]: Материалы международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.: в 3 ч. – Волгоград, 2006. – Ч.1. – С.117-123.

Иванилов В.М. Специфика ассоциативной репрезентации когнитивной, прагматической и этнокультурной информации в структуре снотолкования // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность», г. Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – С.63-71.

Иванилов В.М. Ассоциативная природа снотолкования // LINGUISTICA JUVENIS. Язык и культура: Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 7. – С.93-103.

Подписано в печать 22.07.2006. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 1,5 Тираж 100 экз. Заказ 729

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26